

Людмила Мартова

ОДНА
СМЕРТЕЛЬНАЯ
ТАЙНА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Мартова, Людмила.

М29 Одна смертельная тайна / Людмила Мартова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-229656-7

Чтобы закончить работу над диссертацией, Саша Архипова приезжает в умирающую деревню, где нашли уникальную берестяную грамоту. Это официальная версия, а на самом деле Саша сбежала от бывшего возлюбленного. Но все идет не по плану — она находит труп в разрушенной усадьбе! Это ее новый знакомый, встреченный накануне. Природные аналитические способности и навыки ученого не дают ей покоя. Она намерена разобраться в произошедшем и разгадать семейную тайну, корни которой уходят в далекое прошлое...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Мартова Л., 2026**
© **Оформление. ООО «Издательство**
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229656-7

*Все события вымышлены.
Любые совпадения случайны.*

Он чувствовал, что находится совсем близко к цели. Ему осталось обследовать только один этаж старого разрушенного особняка. Впрочем, то, что здание сильно пострадало от времени, существенно облегчало задачу. Сюда часто таскались посторонние, но в пыльных залах с обвалившейся штукатуркой и частично обрушившимися потолками и лестничными пролетами следы его изысканий не так сильно бросались в глаза.

Он даже не пытался их заметить. Одной разрушенной стеной больше, одной меньше. Вскрытый пол тоже никого не смутит. Иногда он впадал в отчаяние, потому что время утекало сквозь пальцы, а он так и не мог ничего найти. В любой момент здесь появится новый владелец поместья. Слухи о реконструкции становились все более громкими. Оно и понятно, весна уже — когда и начинать реставрационные работы, если не сейчас.

Возведут леса, пригонят гастарбайтеров, которые даже на ночь будут оставаться в вагончиках рядом с объектом. Куда ж им деваться, если до ближайшего городка тридцать километров? Объект наверняка будет под присмотром десятков глаз. Да еще и камеры поставят, не дай бог. Как бы

то ни было, сюда будет не подобраться, и о том, что он ищет, придется надолго забыть. А если найдут ОНИ?

От одной только мысли об этом его прошиб пот. Да, время, отведенное на поиски, уходит. Нужно поторапливаться. А если то, что он ищет, вообще не в доме? Такую мысль он допускал, но она его не пугала. Как только он закончит с домом, займется территорией вокруг него. Конечно, никаких других построек в усадьбе не осталось, но наверняка существует план поместья, на котором они отмечены. Если его найти, то очертить квадраты раскопок он сможет.

Копать, правда, придется по ночам, чтобы не привлекать внимания местных. Это внутри огромного дома можно работать в любое свободное время. На открытой местности так не получится. Но и это его не пугало. Куш, который можно сорвать, если все выгорит, огромен.

Какой-то странный шорох привлек его внимание. Закрякала утка. Точнее, заквохтала, оправдывая свое местное название. Квохта. Неоткуда было здесь, в трехэтажном особняке, взяться утке. Он повернулся на звук, чтобы определить источник его возникновения, и тут же получил в грудь пулю. Пущенная с близкого расстояния, она обладала такой силой, что его отбросило в сторону. Падая на только что раскученный во время поисков пол, он был уже мертв.

За окном поднималось солнце. Рассвело с час назад, и охота была в самом разгаре. Всем известно, что рассвет – лучшее время для охоты с подсадной. В это время селезень действует самым бесстрашным образом с минимальной оглядкой. Он даже облетов не совершает, напрямик плюхается в озеро к сидящей там манной утке.

ОДНА СМЕРТЕЛЬНАЯ ТАЙНА

Выстрелы, раздавшиеся вслед за только что прозвучавшим в старом доме, были тому подтверждением. И на лишний выстрел во время охоты, разумеется, никто не обратил никакого внимания.

* * *

1840 год

Марфа

На улице послышались голоса, и шестнадцатилетняя Марфа прильнула к мутному окошку, покрытому трещинами. Нет в семье денег, чтобы заменить стекло. Да и вообще ни на что нет. Двенадцать детей, шутка ли, и она, Марфа, самая старшая. В низеньком скособоченном домике, покрытом соломой, в прямом смысле слова жили семеро по лавкам. Средние мальчишки, все четверо, спали на печи, и зимними ночами Марфа страстно им завидовала. На печи все же тепло.

Отец с матерью и очередным младенцем — кои появлялись в семье каждый год — ютились в углу, отгороженном от жилой комнаты занавеской. На приступке к печи располагался на ночлег Марфин брат, младше ее на полтора года. Во второй комнате на трех кроватях, сдвинутых так плотно, что ногу не поставишь, располагались девочки: сама Марфа и пять ее сестер. Спали по двое на кровати, и это хоть немного спасало от холода. К утру комната, в которую задней своей стороной выходила печь, выстывала так, что дыхание замерзало в воздухе.

Страдать приходилось не только от холода, но и от голода. Пропитание добывалось тяжким трудом, и все равно на всех

не хватало. Иной день в доме не было даже хлеба. Для малышей белый хлеб заливали молоком, готовя тюрю. Старшие обходились ржаными сухарями, размоченными в воде. Если удавалось капнуть в получившуюся кашу постного масла, так и вовсе праздник. Есть хотелось постоянно. От голода у Марфы то и дело скручивало живот, да так сильно, что она сгибалась пополам, чтобы хотя бы немного облегчить боль.

Братья с малых лет работали, помогая отцу в его нелегком крестьянском труде. Крепостными они не были, относились к так называемым государственным крестьянам, но легче от этого не становилось. Что на помещика спину гнуть, что на чиновника – какая разница. Десять рублей в год вынь да положь в казну. А их даже при хорошем урожае заработать ой как непросто.

Сестры помогали матери по хозяйству. Сама она, то беременная, то кормящая на протяжении вот уже полутора десятков лет, отличалась слабым здоровьем, не позволяющим даже ведро с водой поднять. Неудивительно, что Марфе, как старшей, приходилось тяжелее всех. Худо жилось ей в родительском доме, ой худо.

С детства она была ладненькая, налитая, как спелое яблочко, а к пятнадцати годам превратилась в редкостную красавицу. Волосы цвета спелой пшеницы струились по узкой, но крепкой спине, а когда она заплетала их в косу, то та выходила с руку толщиной. На румянном личике сверкали ярко-синие глаза, обрамленные густыми, очень черными ресницами. Под пухлыми губками прятались ровные зубы, белые, как маленькие жемчужины.

Красота была ее вознаграждением за то, что на свет в семье она появилась раньше братьев и сестер. С каждым

ОДНА СМЕРТЕЛЬНАЯ ТАЙНА

последующим ребенком таяла материнская сила, а вместе с ней и здоровье появляющихся на свет детей, унося и ладную внешность. Только два брата, родившиеся сразу на Марфой, унаследовали стать отца и былую красоту матери, остальные дети в семье Аграфениных росли блеклыми, невзрачными, худосочными и болезненными.

Впрочем, Марфа и сама не знала, как лучше. Для отца старшая дочь стала выгодным товаром, который можно удачно сбыть в чужую семью, получив за это неплохой магарыч. Она была в курсе, что отец ищет ей мужа, да такого, семья которого помогла бы семейству Аграфениных хоть немного продохнуть от беспросветной нужды*.

Нет, Марфа была не против выйти замуж, вот только выбора отцовского немного страшилась. А ну как попадется ей в мужья горький пьяница? Даже если и будет он из зажиточной семьи, так ведь любое добро пропить недолго. Или руки распускать станет? Вон, как соседская тетя Шура: почти каждый день муж выгоняет ее из дому босой на мороз да бьет батогами. У нее все тело исполосовано — Марфа видела, когда мать избитую Шуру в бане водой отливала.

Шура еще говорила сквозь слезы, что матери-то с мужем повезло. Не пьет, не бьет, на мороз не выгоняет, пашет от зари и до зари. А что толку, если в доме ничего, кроме хлеба, да и тот не всегда?

Из всех девок в округе Марфа больше всего завидовала Василине, жене Степана, старшего сына в семье Якуниных.

* В середине XIX века официальный возраст, с которого женщины в российской империи могли вступать в брак, составлял 16 лет. Указ императора Николая Первого, регламентирующий это, был подписан в 1830 году.

Жили они не в деревне Куликово, а в соседней, за рекой, носящей невесть откуда взявшееся название Глухая Квохта. Степан был собой хорош – высокий, статный, косая сажень в плечах, глаза шальные, темные, веселые. Василина на деревенских посиделках всегда появлялась в обновках, то в яркой шали на плечах, то с новой лентой в волосах.

Якунины считались зажиточными крестьянами. Дом у них был не чета аграфенинскому. Не покосившаяся избышка, накрытая полусгнившей соломой, а бревенчатая изба с покатой крышей, с резными ставнями на окнах, с просторными сенями. И детей у Якуниных-старших было всего трое, и все – сыновья. Старший – уже упомянутый Степан, средний – Никита и младший – Потап.

Степану недавно исполнилось двадцать, Никите – пятнадцать и Потапу – девять. В промежутках между сыновьями Арина Петровна Якунина рожала и дочерей, да вот только те помирали, не прожив и пары месяцев. Только одной, последышу, названному Стешей, удалось дотянуть до двух лет, после чего девочка утонула в деревенском пруду. Арина Петровна уверяла, что это все потому, что женский род их проклят до седьмого колена.

За среднего сына Якуниных, пятнадцатилетнего Никиту, и сватал отец Марфу. Все бы было ничего, вот только возраст жениха ее пугал. Мальчишка еще совсем. Неделию назад отец брал старшую дочь с собой на ярмарку, которую проводили в Глухой Квохте. Деревня была большая, и торжище там по традиции проходило в середине зимы.

Конечно, с настоящими ярмарками, которые устраивались в городах, с их балаганами, театрами-райками, кулачными боями и прочими развлечениями торг в Глухой Квохте

ОДНА СМЕРТЕЛЬНАЯ ТАЙНА

был несравним, но настоящую ярмарку Марфа никогда и не видела. Но самую загадочную ее подружку Глафиру Худякову каждый год отец брал на ярмарку в город, куда он возил продавать выделанную кожу и шкуры. От Глафиры Марфа и знала про это сказочное место, где простой народ со всей округи продавал излишки своего урожая и разную продукцию, прикупая на вырученные деньги обновки для всей семьи и заодно отдыхая от изнурительной работы.

На ярмарке продавали и покупали соль, рыбу, металлические и глиняные изделия, меха, льняные и хлопковые ткани, сырые и дубленые кожи, льняное семя и масло, холст и сукно, дичь, скот, сало, сено, кухонную утварь, сахар, пряности и лакомства. Здесь же сапожники тачали сапоги, цирюльники брили бороды, портные чинили одежду. Ах, как бы хотела Марфа хотя бы одним глазком посмотреть на все это великолепие.

Глафира рассказывала про бублики и сахарные крендели, а также про царящую на ярмарке атмосферу безудержного веселья. Там играла музыка, звучали народные песни, водились хороводы, устраивались веселые конкурсы и игрища. Нарядно одетые люди катались на каруселях и качелях, веселились от души и даже наблюдали за выступлениями скоморохов, горбатого Петрушки с тонким писклявым голосом и других героев вертепа — кукольного театра в коробке с вырезанным днищем — и даже настоящего балагана.

Ничего подобного в Глухой Квохте не было и в помине. Здесь просто расставляли большие столы, на которые съезжающиеся торговцы выкладывали и выставляли свои товары. Из развлечений был разве что сапог на столбе, куда за небольшую плату мог залезть любой юноша. Для бедноты, которая жила вокруг, новые сапоги считались настоящей

драгоценностью, вот только далеко не каждый обладал такой ловкостью, чтобы добраться до самого верха и урвать обновку, заодно поразив впечатлительных девушек.

В прошлом году удалось Артему, Марфиному брату, и он целый год проходил в заслуженной обнове, пока нога не выросла настолько, что сапоги стали немилосердно жать, после чего перешли следующему сыну Аграфениных – Федоту. Вот на такую «малую» ярмарку и взял отец с собой Марфу, сразу предупредив, что денег ни на какие обновки или пряники с леденцами у них нет.

Так она и проходила между торговыми рядами, пожирая глазами продающееся там великолепие, познавая всю горечь поговорки «Видит око, да зуб неймет». Один бублик ей, впрочем, все-таки достался. Им угостил Марфу Григорий Никифорович Якунин – огромный лохматый мужик лет пятидесяти, с огненными глазами, горящими под кустистыми бровями, сросшимися на переносице. Еще у него была окладистая седая борода с проседью. Марфа его забоялась.

Он же, наоборот, смотрел на нее смеющимися, почти ласковыми глазами, вручил бублик, купил у отца остатки прошлогоднего, уже довольно прелого сена и по окончании ярмарки пригласил к себе в дом.

Дом Марфу потряс. Одни только полаты между стеной и большой русской печью оказались такими огромными, что Марфе чудилось, что по размеру они превосходят ее отчий дом целиком. Красавица Василина, жена Степана, споро накрывала на стол, но Григорий Никифорович велел ей показать Марфе подклет.

Нижний этаж, расположенный под жилыми помещениями, выглядел таким же просторным, как весь дом. Марфа

ОДНА СМЕРТЕЛЬНАЯ ТАЙНА

как зачарованная смотрела на ряды бочонков, в которых хранились соленья, варенья, сало, моченые ягоды. Была здесь и морoshка, и брусника, и клюква, и грибы, а также капуста, морковь, картошка, крупы в мешках, мука и сахар. Под потолком на крюках висела свиная туша. Точнее, то, что от нее осталось. Марфа отродясь столько еды не видывала.

Погостив у Якуниных с полчаса — именно столько потребовалось, чтобы испить чаю с брусничным пирогом — Марфа с отцом вернулись домой, в Куликово. И вот теперь, спустя неделю, Григорий Никифорович с Никитой наносили Аграфениным ответный визит. Да не простой, а со сватами.

Увидев, как гости вылезают из телеги, запряженной конем с лентами в гриве, Марфа отпрянула от окна, чтобы не быть застуканной за подглядыванием. Может, и хорошо, что батюшка нашел ей жениха. Заманчиво это — обзавестись собственной семьей и перестать горбатиться на всех братьев и сестер. Да вот только в мужниной-то семье тоже вряд ли забалуешь. Вся округа знает, насколько крут нравом Григорий Никифорович. Да и жених-то совсем мальчишка. Вот кабы ее Степан сосватал... Так он уже женат.

Впрочем, Степана с прошлого лета забрали в рекруты. Василина, даже не успев родить первенца молодому мужу, осталась в семье свекра и свекрови одна. Правда, на ее цветущий вид и яркие наряды это совсем не повлияло. Может, и правда, заботятся о невестках в якунинском доме. Может, и ей там хорошо будет.

За накрытым столом, на который гости выставили привезенное с собой угощение, ударили по рукам, назначив свадьбу на весну, сразу после Великого поста. Марфа для порядка проплакала всю ночь из-за юного возраста и невзрачного вида

жениха, но к утру смирилась. Да и не спрашивал никто ее согласия. Батюшка сказал «Замуж», значит, замуж. Вот и весь сказ.

– Жалко мне тебя из отчего дома отпускать, Марфушка, – сетовал он. – Работница ты хорошая, да и любимица моя. Но пора тебе за мужнину спину перебираться. А у Якуниных тебе хорошо будет. Сытно. Никита – парень хороший, добрый. Он тебя не обидит. Да и верх ты над ним быстро возьмешь. Характер у тебя посильнее будет.

Пасха в том году выпала на четырнадцатое апреля, Красную горку отметили двадцать первого. С этого дня впервые с начала Великого поста церковь возобновляла проведение венчальных обрядов. Марфа верила в народные приметы, а потому надеялась, что свадьба станет для нее залогом долгой и счастливой семейной жизни. Недаром же говорят, кто женился и вышел замуж на Красную горку, тот будет счастлив всю жизнь. И венчание, и торжество провели в Глухой Квохте, после чего родня Марфы уехала к себе в Куликово, а она сама осталась в родительском доме молодого мужа, которому отныне предстояло стать домом и для нее.

* * *

Наши дни

Саши

Путь Саши лежал в деревню под смешным названием Глухая Квохта. Вернее, с точки зрения лингвиста Александры Архиповой, ничего смешного в названии не было. Квохтой называли северную утку средних размеров, сбивающуюся в многочисленные стаи. Охотники так и говорили: «Квохта пошла». Это Саша вычитала, собираясь в поездку.

ОДНА СМЕРТЕЛЬНАЯ ТАЙНА

В одном из источников она нашла информацию, что в средней полосе России местные жители так называли вальдшнепов, из-за того, что птица эта издавала характерное квохтанье. Но вальдшнепы Сашу не интересовали, только утки. Она и в деревенскую глухомань-то отправилась исключительно из-за уток, точнее, из-за их кражи, случившейся, если верить документальным источникам, которые изучала Александра Архипова, в середине двенадцатого века.

Три года назад именно здесь, неподалеку от Глухой Квохты, проводились археологические раскопки. Один из местных (а может, не местных, Александра не уточняла) олигархов намерился построить здесь охотхозяйство, специализирующееся на водоплавающей и лесной дичи. Мужиком он оказался основательным, поэтому нанял специалиста-археолога, чтобы присматривал за извлекаемыми из земли предметами. Государство не требовало, а вот совесть — да.

Серьезный и совестливый подход окупился сторицей, потому что уже через месяц работы на окраине деревни нашли берестяную грамоту. Лингвист Архипова как раз была «берестологом», то есть человеком, специализирующимся на таких грамотах. Последние девять были найдены в Новгороде Великом и еще две в Старой Руссе. После этого случились четыре года затишья, и вот наконец находка в Глухой Квохте, которая тут же всколыхнула научное сообщество.

Конечно, ничего особенно скандального, типа найденных ранее писем на бересте, в которых описывались драматические ситуации вроде «проданного сына» и злой мачехи, обзывающей падчерицу «вражиной», в ней не было, но кое-что любопытное, причем как в историческом, так и в лингвистическом плане, все же имелось.

Грамота, довольно старательно порванная еще в древности, свидетельствовала о состоявшейся краже уток. Ее пытались уничтожить с особой тщательностью. Грамоту не только порвали на куски, но еще и верхний слой бересты оторвали, и только на нижнем остались глубокие отпечатки надписи, выцарапанной острым предметом.

Из грамоты следовало, что некто украл двадцать (точнее, полсорока) тушек уток. И Александра понимала, что число двадцать не было случайным, ведь многие товары на Руси исчисляли «сороками». Кто именно и зачем украл уток, оставалось неясным, и лингвист Архипова, готовящая к защите кандидатскую диссертацию, охотно включилась в расследование, которое кроме научного оказалось еще и детективным.

То, что утки были именно украдены, подтверждалось хорошо сохранившимся словом «крале», за которым уцелели крохотные фрагменты четырех букв, явно скрывающие имя преступника. Из точек и черточек выходило, что уток украл некий князь, но князь, воруящий уток, да еще и попавший под следствие, плохо укладывался в сознание.

С помощью реконструкции фрагментов и анализа возможных вариантов ученые, в число которых входила и Александра Архипова, пришли к выводу, что обрывок грамоты содержал древнее написание слова «Я». Другими словами, кто-то чистосердечно признавался в письменном виде в том, что «я крал уток».

Сашин научный руководитель, академик Российской академии наук, профессор Розенкранц утверждал, что текст соответствует содержанию так называемых расспросных речей Разбойного приказа. В таких случаях всегда в начале

ОДНА СМЕРТЕЛЬНАЯ ТАЙНА

текста содержалась информация о том, что именно украли, а потом записывали, что такой-то тать признался в том, что крал или грабил, а случалось, и убивал. Другими словами, документ, с которым работала Александра Архипова, представлял собой запись допроса пойманных разбойников.

Далее в грамоте упоминались «пять гривен за уток», а также слова про некую «дань». Получалось, что береста представляла собой фрагмент протокола судебного дела, то есть являлась древнейшим образцом древнерусской судебной документации, составленной с помощью писцов.

Разумеется, все работы с бесценным хрупким материалом Александра проводила в специальных условиях, созданных на средства гранта в Высшей школе экономики, где она училась в аспирантуре. Вот только ее почему-то тянуло туда, где была обнаружена грамота. То ли чтобы проникнуться духом этих мест, то ли в надежде найти еще что-нибудь ценное, и в последних числах марта Саша отправилась в Глухую Квохту.

— И что ты будешь делать в этой глуши? — вопрошала подруга, знаменитая писательница Глафира Северцева, с которой Саша училась в школе. Давно это было. Очень давно. — И где ты собираешься жить? В деревенской избе?

Глафира была настроена крайне скептически.

— А если даже и в избе, так что ж с того? — отбивалась Александра. — Зато мое научное исследование будет аутентичным, что не может не сказаться на его качестве. Глашка, не пугай ты меня. Я и так боюсь. Мне летом на защиту выходить. Это знаешь как страшно.

— Я просто не понимаю, что ты хочешь там найти, в этой глухомани, — не сдавалась Глафира. — Ты же не собираешься раскрывать преступление, совершенное в двенадцатом веке?

И никаких архивов там нет, чтобы попытаться в них найти хотя бы что-то.

– Да не собираюсь я ничего искать, – рассердилась вдруг Саша. – Я собираюсь провести десять дней на свежем воздухе, на натуральных продуктах, побродить по тамошнему лесу, пропитаться атмосферой и закончить работу над текстом диссертации. В тишине и покое. Надоело мне в Москве, понимаешь?

– Понимаю, – пронизательно заметила Глафира. – Ты просто никак не можешь отойти от расставания с Данимиром, поэтому хочешь сбежать куда глаза глядят. Глухая Квохта в этом смысле вполне подходящее место.

Сердиться на Глафиру не имело никакого смысла, тем более что подруга была совершенно права. Все Сашины метания были вызваны именно присутствием в ее жизни Данимира. Точнее, его отсутствием. Данимир Козлевич тоже был аспирантом профессора Розенкранца, занимающимся берестяными рукописями, а потому даже после расставания они были обречены встречаться в лабораториях, коридорах, на семинарах и конференциях, а также в библиотеке.

Видеть Козлевича было мучительно и горько, особенно потому, что он делал вид, что ничего между ними никогда не происходило. Хотя, если разобраться, может, и правда, не происходило. Подумаешь, три года встречались, из них год и четыре месяца жили вместе, снимая одну квартиру на двоих.

Вернее, это Саша продолжала оплачивать квартиру, которую сняла, когда поступила в аспирантуру, а Данимир просто переехал к ней и раз в месяц выдавал некую сумму на ведение хозяйства. Сумма предусматривала и половину

ОДНА СМЕРТЕЛЬНАЯ ТАЙНА

арендных платежей, вот только была она так невелика, что, собственно, на хозяйство почти ничего не оставалось.

Саша не роптала, потому что, во-первых, знала о более чем скромной зарплате Козлевича, а во-вторых, считала пошлым и банальным ссориться из-за денег. Ей их как раз хватало. Помимо работы в университете, где она вела семинарские занятия и была ассистентом профессора Розенкранца, она еще занималась компьютерной лексикографией, то есть участвовала в составлении электронных словарей. За это неплохо платили, вот только нагрузка, конечно, была значительной, особенно если добавить к этому работу над диссертацией и ведение домашнего хозяйства.

На Данимира в этом плане надежды не было никакой. Он к бытовым вопросам был неприменим. Даже купить по дороге из университета продукты по заранее составленному списку оказывалось для него непосильной задачей. Александру Архипову такая неприспособленность к жизни умиляла. Почти полтора года она безропотно тащила этот воз на себе, а потом случилось то, что и должно было случиться.

Данимир, ее Данечка, сказал, что уходит. Он больше не мог жить с ней, вечно занятой распустихой, не имеющей ни времени, ни желания, ни свободных денег на хорошего косметолога и салоны красоты. Саше действительно казались глупостью все ухищрения, направленные на погоню за ускользающей молодостью. В конце января ей исполнилось тридцать четыре года. Не так уж и много, но и немало, особенно если за плечами нет ничего, кроме неплохого образования.

Под «ничего» подразумевалось отсутствие семьи, мужа и детей, что Александру Архипову немного угнетало. Она выросла в большой и дружной семье, где кроме нее было

еще два старших сына. Братьев Саша обожала. Старший, кадровый военный, уже вышедший в отставку, обосновался в Калининграде, средний жил в Санкт-Петербурге, и к обоим младшая сестра довольно часто летала на выходные, благо в Москве существовала такая возможность.

Ее отлучки, кстати, тоже немало раздражали Данимира, который любил в выходные сходить на какой-нибудь концерт или спектакль, а потом вернуться домой и с аппетитом съесть приготовленный Александрой ужин. Когда она уезжала, то еду, конечно, оставляла, но довольно простую, подразумевающую разогрев. Пельмени, блинчики с мясом, кастрюлю супа или пюре с котлетами.

Данечкина же душа просила пасту с морепродуктами, запеченную рульку в пиве или картофель с прованскими травами, причем все это великолепие должно было быть свежим, с пылу с жару. А она вместо этого уезжала к братьям. Непорядок и беспредел.

Данимир Козлевич был уверен, что Александра должна относиться к нему как к дару небес. А что? Молодой, красивый, высокий, перспективный ученый, а главное – холостой. Сколько женщин довольствуются жалкими огрызками в виде женатых любовников, украдкой выкраивающих для быстрых соитий какие-то жалкие полтора часа в неделю. Он же был рядом каждый вечер, возвращаясь домой, как будто даря Александре дорогостоящий сувенир, ценный приз, доставшийся не совсем по праву. Скорее, просто из-за нечеловеческой удачи и везения.

С таким определением Саша была согласна, потому что очень Данимира любила. У нее сердце замирало, даже когда она просто смотрела на него, отдыхающего после за-